

Определение вставок и пропусков

Допустим, мы имеем перед собой два текста одного и того же произведения: в одном тексте есть лишние куски сравнительно с другим. Что перед нами: вставки в одном тексте или пропуски в другом? Какой текст в этой своей части первоначальнее? Вопросы эти очень существенны для определения истории текста.

В средневековой литературе, компилятивной и «сводной» в своем большинстве, не знающей современного чувства собственности по отношению к тексту, различного рода вставки и пропуски — обычное явление.

Пропуски особенно часты в связи с тем, что рукописи ветшают, часть текста становится неудобочитаемой или вовсе исчезает, листы выпадают. Особенно часты такие утраты в конце рукописи или в начале ее, если рукопись была не переплетена. Рукописи в Древней Руси хранили в ларях или на полках, но не ставили на ребро, как это делается в настоящее время, а клали их плашмя, отчего особенно часто вытирались, загрязнялись и отпадали именно последние листы.

Кроме случайных причин действуют и не случайные. Вставки делаются для улучшения текста, для придания ему наибольшей полноты. Пропуски делаются для сокращения текста. И в случае пополнения текста, и в случае его сокращения действуют иногда идейные соображения. Редактор текста заботится об освещении событий с нужной ему точки зрения, а потому пополняет текст нужными ему вставками или сокращает то изложение событий, которое расходится с его взглядами. Чаше всего такого рода вставки и сокращения по идейным соображениям встречаются в летописи, но не лишены их и все литературные произведения Древней Руси.

Умение распознавать вставки и пропуски в тексте и умение объяснять эти вставки и пропуски (т. е. раскрыть историю того, как, когда и почему были эти изменения произведены) особенно важно в текстологии древнерусских литературных произведений.

Разберем прежде всего вопрос с лишними кусками текста, источник которых может быть определен.

Допустим, что в одной редакции произведения есть несколько различных кусков текста, отсутствующих в другой редакции, и эти куски восходят к одному определенному произведению. Есть общий прием, по которому мы можем узнавать, имеем ли мы дело со вставками в одной редакции или с сокращениями в другой. Вставки легко могут делаться по какому-либо одному определенному источнику, но исключать из текста по признаку восхождения текста к определенному источнику гораздо труднее. Для этого древнему книжнику нужно хорошо знать источник и производить трудную филологическую работу. Не исключена при этом возможность, что какое-нибудь место из исключаемого источника он и пропустит, сохранив его в тексте, выдав тем самым свою работу. В самом деле, сокращения текста в древней русской литературе по большей части делаются по смыслу: исключаются длинноты,

риторические распространения, несущественные детали или — что бывает особенно важно для истории текста — места, неудобные по идейным соображениям. Только в исключительно редких случаях, руководствуясь какими-то особыми соображениями, древнерусский книжник может пойти иным путем и сокращать свой текст не по содержанию, а в зависимости от про и с х о ж д е н и я отрывков, — их восхождения к определенному произведению

Вместе с тем, наоборот, расширение текста за счет дополнительного источника производится в древнерусских рукописях постоянно. Это делается и для полноты изложения, и для придания ему какой-либо определенной идейной и стилистической окраски.

Это различие в отношении к источнику, если расхождение между текстами касается многих мест, очень помогает исследователю отличить вставки в одном тексте от сокращений в другом.

Приведу следующий пример. Новгородская первая летопись в своей начальной части более кратка, чем «Повесть временных лет», хотя в основном их тексты сходны. Какой текст древнее: имеем ли мы дело с сокращениями в Новгородской первой летописи или со вставками в «Повести временных лет»?

Новгородская первая летопись не могла явиться простым сокращением «Повести временных лет»: в ней нет ни одной выписки из греческой Хроники Георгия Амартола, ни одного договора с греками и т. д. — так систематически, последовательно сокращать не могли древние летописцы; да и зачем было летописцу задаться сложной целью опустить в своем труде все заимствования из греческой Хроники Амартола, все четыре договора с греками и т. д.?

Но, кроме того, между Новгородской первой летописью и «Повестью временных лет» замечаются значительные расхождения по существу, тесно связанные с указанными памятниками. Эти расхождения опять-таки могут быть объяснены только при том предположении, что текст, лежащий в основе Новгородской первой летописи, древнее текста «Повести временных лет», а не наоборот. В самом деле, в Новгородской первой летописи рассказывается о том, что со смертью Рюрика вступил на княжеский престол его сын Игорь, у которого был воеводою Олег. В «Повести же временных лет» сказано, что Игорь, после смерти Рюрика, был малолетен и за него правил не воевода, а к н я з ь Олег. Такое различие станет нам вполне понятным, если исходить из предположения, что «Повесть временных лет» составлена п о с л е начальной части Новгородской первой летописи или после источника начальной части Новгородской летописи. Очевидно, что составитель «Повести временных лет», включая в нее договор Олега с греками 911 г., обратил внимание на то, что Олег в этом договоре выступает вполне самостоятельным князем, и соответственно этому перестроил рассказ предшествующей летописи. Если же мы предположим обратное: что «Повесть временных лет» составлена ранее начальной части Новгородской первой летописи или ее источника и что составитель последней просто сокращал «Повесть временных лет»,

то окажется совершенно непонятным, почему, выбросив все договоры с греками, летописец решил перевести Олега из князей в воеводы.

Текстологи XIX в., которые рассматривали работу древнерусских книжников главным образом как чисто механическую, видели в последующих редакциях простую порчу текста и не задумывались над смыслом переделок. Начальная часть Новгородской первой летописи воспринималась ими как простое сокращение «Повести временных лет». В настоящее время текстолог обязан ответить на вопросы — не только что сделано, но и при каких обстоятельствах и зачем. И как только текстолог задается этими последними двумя вопросами, он становится на правильный путь и в решении основного — первого вопроса.

Явные вставки, разрушающие логическое развитие повествования, обнаруживаются и во многих других местах «Повести временных лет». Так, например, рассказав о троекратной мести Ольги древлянам за убийство мужа — Игоря, летописец заключает: «И победиша древляны». Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает о новой победе Ольги — о ее четвертой мести; только после этого уже следуют слова: «възложиша на ня дань тяжку». Отсюда исследователи предполагают, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст.

Другой пример вставки в «Повести временных лет»: в 971 г., видя убыль в своей дружине, князь Святослав решает вернуться из византийских пределов на Русь за новым войском: «Пойду в Русь, — говорит он, — приведу более дружины». И он действительно исполняет свое решение: «...поиде в лодьях к порогом». Однако между рассказом о решении и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом мира с греками и обширный текст договора. Естественно предположить, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Наши предположения обращаются в уверенность, когда обнаруженных нами вставок мы действительно не найдем в тексте, восходящем к летописному своду более древнему, чем «Повесть временных лет». В самом деле, в начале списков Новгородской первой летописи мы читаем текст, частично сходный, а частично различный с «Повестью временных лет». Исследуя этот текст, А. А. Шахматов пришел, как известно, к выводу, что в нем сохранились отрывки более древней летописи, чем «Повесть временных лет», — так называемого Начального киевского свода. В этом более древнем тексте нет как раз тех мест, в которых мы предположили выше вставки, сделанные позднее. Так, в Новгородской первой летописи отсутствует рассказ о четвертой мести Ольги древлянам и действие разворачивается вполне логически, именно так, как по нашим предположениям оно должно было разворачиваться в первоначальном летописном рассказе: Ольга «победиша древляны и возложиша на них дань тяжку». Так же точно отсутствует в Новгородской

первой летописи и договор Святослава с греками, который, как указывалось выше, разорвал фразу: «И рече: поиду в Русь и приведу больши дружине; и поиде в лодьях».

Когда в одной редакции произведения имеется какой-либо отрывок, а в другой его нет, мы можем предполагать два варианта истории текста: либо одна редакция вставила этот отрывок, либо другая редакция его исключила. Решить вопрос этот можно разными способами, но всегда надо обращать внимание на два обстоятельства; первое: какой текст логичнее — с отрывком или без этого отрывка, нет ли следов в одном из текстов вставки или исключения (вторичность текста так или иначе дает себя знать, а первичный текст частично обнаруживается во вторичном); второе: необходимо сообразовать вопрос о вставке или исключении того или иного отрывка с историей текста всего произведения. Возвращаясь к вопросу о вставках в «Повести временных лет», убеждаемся, что это именно в с т а в к и в «Повести временных лет», а не п р о п у с к и из Новгородской первой летописи, о чем свидетельствуют оба признака: логичность повествования в Новгородской первой и история текста Новгородской первой.

Бóльшая логичность повествования в одном тексте и меньшая его логичность в другом получают полную убедительность, если они сопровождаются еще дополнительными данными — грамматическими и стилистическими. Например, если вставка или исключение текста нарушают грамматическую связанность изложения и его стилистическую законченность. Надо при этом иметь в виду, что вставка или исключение отрывка ведут к совершенно различным нарушениям грамматики и стиля и поэтому легко узнаются.

При решении вопроса о том, какой текст первичный, а какой вторичный, необходимо внимательно следить — не осталось ли во вторичном тексте каких-либо следов текста первичного. Следы эти могут быть в синтаксисе, в морфологии, в стиле, в простой последовательности изложения. Так, в рассказе «Повести временных лет» о походе Владимира Ярославича на Царьград есть такая фраза: «И поиде Володимер в лодьях, и придоша в Дунай, и поидоша к Цесарюграду». Представляется неясным, почему «Повесть временных лет» отметила промежуточный этап похода — Дунай, не сообщив об остановке там никаких сведений. Однако в некоторых новгородских летописях рассказ о походе Владимира Ярославича читается с подробностями, которых в «Повести временных лет» нет. Оказывается, что с остановкой в устье Дуная были связаны важные события: «И поиде Владимир на Царьград в лодиях. И прошедшие пороги, и приидоша к Дунаю, рекоша Русь Владимиру: “Станем зде на поле”; а варязи ркоша: “Поидем под город”. И послуша Владимир варяг и от Дуная поиде к Царюграду с вои по морю». Результатом того, что Владимир послушался не Русь, а варягов, явилось поражение Владимира. Оба текста сходны. Несомненно, что либо в новгородских летописях вставка, либо в «Повести временных лет» сокращение. Вероятнее последнее, так как в сокращении «Повести» остался след: остановка на Дунае, о которой больше ничего не сказано.

Но для того чтобы гипотеза была наиболее вероятной, надо указать и причину, по которой в «Повести временных лет» было произведено сокращение. Можно думать, что причина в следующем. В сокращенном месте Русь противопоставлена варягам, при этом вина за поражение возложена на варягов. Автор «Повести временных лет», по-видимому, пожелал убрать это противопоставление Руси варягам, противоречившее его концепции происхождения Руси от варягов¹.

Приведу еще один пример.

В вводной части «Повести временных лет» после рассказа о нравах различных народов неожиданно идет следующий текст: «По сих же летех, по смерти братье сея быша обидимы древляни инеми околними». Затем следует рассказ о хазарах и сборе дани с полян по мечу от дыма. Однако совершенно неясно — кто эта «братья сея». Только перевернув назад несколько листов текста, мы находим рассказ об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом, которых летописец зовет «сей братией» («И по сих братьи держати почаша род их княженъ в полях»). Совершенно очевидно, что фраза «По сих же летех, по смерти братье сея...» шла непосредственно после рассказа об основании Киева. Именно такой текст мы и находим в начальной части Новгородской первой летописи, в которой, по гипотезе А. А. Шахматова, читается текст более древний, чем «Повесть временных лет». Текст Новгородской первой летописи окончательно доказывает, что перед нами в рассказе о нравах различных народов вставка, разорвавшая первоначально связный текст.

Иногда вставку удается обнаружить без помощи параллельного текста.

Характерная вставка замечена А. А. Шахматовым² в рассказе Лаврентьевской летописи 1231 г. Здесь мы находим следы двух летописных источников. Один источник говорит: «...не токмо бо словом уча, но и делом кажа и вся приходящая удивлеса, князя же и велможе, всяку въздрать града Ростова». Этот источник разорван вставкой после слова «кажа». Вставка эта следующего содержания: «Того же лета родися Василку сын, месяцу иуля в 24 день, в праздник святою мученику Бориса и Глеба, и наречено бысть имя ему Борис». Разъединить эти два текста так, как это сделано выше, не представляет никакого труда.

Добавления идеологического характера бывают иногда очень любопытны. Так, например, автор одной из редакций жития князей-братьев Константина и Василия Всеволодовичей монах Пахомий к рассказу о гибели Батыя от войск Владислава добавил, что Батый погиб от болгар, литвы и славян. Сделав такое разъяснение и объединив таким образом в борьбе за национальное освобождение эти народы, Пахомий добавил и местное предание,

¹ Повесть временных лет, т. II. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. С. 238—244 и 378.

² А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». С. 113.

что Батый был русский, ярославец, из села Черемхи, и пришел под Ярославль отыскивать своего отца. Предание это получило некоторое распространение в хронографах XVII в. и, очевидно, отвечало каким-то своеобразным национальным чувствам составителей предания и интересовавшихся им древнерусских книжников.

Остановимся еще на одной вставке, в объяснение которой было высказано много интересных соображений: на вставке сочинений Владимира Мономаха (его «Поучения», летописи его походов и охот и письма к Олегу Святославичу) в «Повесть временных лет». То, что перед нами вставка, не подлежит никакому сомнению. Сочинения Мономаха разрывают связный текст летописной статьи 1096 г. Они искусственно вставлены между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. Приведу полностью тот текст, в который вставлены сочинения Мономаха. Говоря о страшном нападении половцев на Киево-Печерский монастырь, летопись дает объяснение их происхождению: «Ищъли бо суть си от пустыня Етривьская, межю востокомъ и севером; ищъли же суть их колен 4: торкмене, и печенези, торци, половци. Мефодий же свидетельствует о них, яко 8 колен пробегли суть, егда исече Гедеон, да 8 их бежа в пустыню, а 4 исече. Друзии же глаголють: сыны Амоновы; се же несть тако: сынове бо Моавли хвалиси, а сынове Аммонови болгаре, а срацини от Измаиля творятся Сарини, и прозваша имя собе саракыне, рекше: сарини есмы. Тем же хвалиси и болгаре суть от дочерю Лотову, иже зачаста от отца своего, темъ же нечисто есть племя их. А Измаиль роди 12 сына, от них же суть торкмени, и печенези, и торци, и кумани, рекше половци, иже исходятъ от пустыне. И по сих 8 колен, г кончине века изидуть заклепани в горе Александром Македоньскимъ нечистыя человеки (*Здесь в Лаврентьевской летописи вставлены сочинения Владимира Мономаха*). Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сих 4 лет, яже сказа ми Гюрята Роговичъ новгородецъ, глаголя сице, яко “Послахъ отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к ним, а оттуду иде в Югру; югра же людье есть языкъ нем, и соседять с самоедью на полунощныхъ странах. Югра же рекоша отроку моему: “Дивьно мы находихомъ чюдо, его же несмы слышали преже сих лет, се же третье лето поча быти; суть горы заидуче в луку моря, им же высота ако до небесе, и в горахъ техъ кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвять, и есть не разумети языку их, но кажють на железо, и помавають рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножъ ли, ли секиру, и они дають скорою противу. Есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ, темъ же не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощи”. Мне же рекшю к Гюряте: “Си суть людье заклепении Александромъ, маке-

доньским царем", якоже сказаеть о них Мефодий Патарийский, глаголя: "Александр, царь макидонский, взыде на восточныя страны до моря, наричемое Солнце место, и виде ту человеки нечистыя от племени Афетова, их же нечистоту виде: ядыху скверну всяку, комары, и мухи, котки, змие, и мертвещь не погребаху, но ядыху, и женьскыя изворогы и скоты вся нечистыя. То виде, Александр убоися, еда како умножаться и осквернять землю, и загна их на полунощныя страны в горы высокия; и богу повелевшю, сступишася о них горы великия, токмо не ступишася о них горы на 12 локот, и ту створишася врата медяна, и помазашася синклитом; и аще хотять взяти, не възмогут, ни огнем могут ижещи; вещь бо синклитова сица есть: ни огонь может вжещи его, ни железо его примет. В последняя же дни по сих изидуть 8 колен от пустыня Етривьская, изидуть и си сквернии языки, иже суть в горах полунощных, по повеленью божию"».

Нетрудно убедиться, что в Лаврентьевской летописи сочинения Владимира Мономаха разрывают вполне связное рассуждение летописца о различных народах, которые, по откровению Мефодия Патарского, заключены в «пустыне Етривьской»: едина тема рассуждений летописца, едины источники этого рассуждения и т. д. Но окончательно убеждает, что перед нами вставка, то обстоятельство, что во всех остальных списках «Повести временных лет», кроме, следовательно, Лаврентьевской летописи, вставки сочинений Владимира Мономаха нет и весь текст читается как единый. Как единый читается текст летописной статьи 1096 г. в Ипатьевской летописи, Радзивилловской и др.

Почему же произошла вставка сочинений Владимира Мономаха в летописную статью 1096 г. Лаврентьевской летописи? Вопрос этот чрезвычайно важен для понимания Лаврентьевской летописи как литературного памятника и для понимания отношения к сочинениям Владимира Мономаха в нашей древности. Он чрезвычайно важен и в связи с тем, что в Лаврентьевской летописи мы имеем е д и н с т в е н н ы й список сочинений Мономаха. Следовательно, вопрос о вставке есть вопрос, касающийся истории текста единственного списка одного из самых замечательных собраний произведений древнерусского автора.

А. А. Шахматов дает следующее объяснение, почему «Поучение» было вставлено в Лаврентьевскую летопись в середину статьи 1096 г. В «Поучение» вставлена летопись походов Мономаха, очевидно им составленная. Эта летопись доведена до похода Владимира Мономаха на Ярослава Святополчица, а поход этот относится к 1117 г. Отсюда ясно, что «Поучение» не могло быть вставлено в летопись ранее этого года. «Поучение» доведено (в части этой летописи) до того же года, что и третья редакция «Повести временных лет» 1118 г. По-видимому, предполагает А. А. Шахматов, «Поучение» попало в Лаврентьевскую летопись именно из этой третьей редакции «Повести временных лет».

Как известно из работ А. А. Шахматова, текст Лаврентьевской летописи представляет собой соединение второй редакции «Повести временных

лет» с третьей редакцией Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, к которому, как к наследнику киевского стола (в 1118 г. Мстислав был вызван Мономахом из Новгорода и сел в Переяславле Южном, готовясь занять киевский стол по смерти отца) и было прежде всего обращено «Поучение». Почему же «Поучение» было пренесено именно сюда, под 1096 г.? На это А. А. Шахматов отвечает следующим образом. Рассуждение о происхождении половцев принадлежит второй редакции «Повести временных лет», а беседа с Гюрятой Роговичем — третьей. «Для нас ясно, что, обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов “и по сих 8 колен г кончине века изидуть заклепани в горе Александром Македоньским нечистыя чеовеки” известного рода отметку (например: слово “зри”) для указания, что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника. Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже “зри”) при двух статьях вспомогательного источника (А. А. Шахматов предполагает, что им был Владимирский полихрон начала XIV в., свод гипотетически им предполагаемый, представлявший третью редакцию “Повести временных лет”. — Д. Л.): при “Поучении” Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но, очевидно, под другим годом, и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий или другой переписчик ошибочно списал вместо второй статьи “Поучение” Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за “Поучением” и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой»¹.

Менее сложное объяснение того, почему «Поучение» Владимира Мономаха попало в это случайное место Лаврентьевской летописи, дает М. Д. Приселков в своей статье «История рукописи Лаврентьевской летописи и ее издание»²: «В своем послесловии Лаврентий..., называя свой оригинал “Летописцем”, утверждает, что этот “Летописец” к его времени работы представлял собою ветхую книгу, что, как полагал Лаврентий, и привело к тому, что в его копии с этого “Летописца” можно встретить теперь как описки, так и переписки с недописками. К тому же он, Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог справиться с своею задачей удовлетворительно: “занеже книги ветшаны, а ум — молод, не дошел”. Действительно, можно думать, что в работе Лаврентия встречаются все указанные им промахи его переписки, из которых мы на первом месте поставим его недописки, т. е. оставленные им пустые места в строках, где, конечно, размер

¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 23—24.

² М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1939, т. XIX.

незаполненных буквами пространств строки соответствует количеству не прочитанных Лаврентием букв в протографе. Из таких теперь для нас самых досадных недописок Лаврентия на первом месте надо, конечно, поставить те $4\frac{1}{2}$ строки, которые находятся после первых строк "Поучения" Владимира Мономаха (оно дошло до нас только в Лаврентьевской летописи). Протограф Лаврентьевской летописи был, как говорит Лаврентий, уже настолько обветшалою книгою, что не везде ее текст легко прочитывался переписчиком. Иногда переписчик все же, несмотря на неясность, прочитывал текст, подлежащий переписке; но сам же находил полученное им чтение подозрительным и непонятным, тогда он такое полученное чтение отделял от соседних слов точками...

Но почему же так случилось, что в "Поучении" Лаврентий прямо оставил пустыми $4\frac{1}{2}$ строки, не дав никакой попытки своего прочтения? Ответ, очевидно, будет тот, что в своей ветхой книге, подлежащей переписке, Лаврентий в этих $4\frac{1}{2}$ строках, как и в ряде других мест..., ничего даже приблизительно восстановить прочтением не мог. Но как же получилось, что именно здесь, в начале текста "Поучения", оказались столь загрязненные или столь сильно стертые строки? Давно уже определено, что так называемое "Поучение" Владимира Мономаха представляет собою три самостоятельных, отдельных произведения этого автора: в начале поучение детям (без окончания), затем письмо Мономаха двоюродному брату Олегу (оно без начала) и, наконец, текст культового содержания (молитва. — Д. Л.), вероятно, пера того же автора¹. Также давно установлено, что дефектная группа листов, содержащая все три произведения Мономаха, попала у Лаврентия или в его протографе не на свое место: ведь текст этих произведений Мономаха разрывает собою текст летописного повествования 1096 г. и при удалении из настоящего его места "Поучения" разорванный им текст летописного повествования 1096 г. благополучно смыкается во вполне последовательный и связный рассказ... Лаврентий получил для переписки книгу, в которой эти листы находились уже не на месте. В самом деле, неужели Лаврентий, располагая он возможностью переставлять листы переписываемой ветхой книги, не смог бы найти для них более подходящего места, чем занимаемое ими теперь, например, хотя бы в конце изложения любого года? Но вполне своевременно спросить себя, где же было надлежащее место для этих листов в той книге, которую переписывал Лаврентий? Поскольку это, так сказать, собрание сочинений Владимира Мономаха невозможно связать ни с каким местом Лаврентьевского летописного текста, внутрь которого оно теперь попало, т. е. связать так, чтобы это не вызвало сомнений, постольку правильнее всего будет предположить, что это собрание Мономаховых сочинений или предшествовало, или последовало летописному тексту в целом.

¹ Сейчас доказано, что Молитва не принадлежит Мономаху.

Из этих двух предположений склониться к первому побуждает нас именно известное уже нам неудовлетворительное для прочтения состояние первого листа "Поучения", на котором на лицевой его стороне было $4\frac{1}{2}$ стертых или загрязненных строк, которые не мог воспроизвести нам Лаврентий. В самом деле, если мы предположим, что ветхая книга "Летописец", которую переписывал Лаврентий, была лишена переплета, то первый ее лист от держанья рукою мог легко пострадать, так как на лицевую его сторону (ближе кверху) постоянно должен был нажимать большой палец левой руки читателя, наводившего справку или читавшего летописный текст, т. е. переворачивавшего листы книги своею правою рукою.

Наше предположение о том, что "Поучение" и другие сочинения Мономаха находились при данном летописном тексте в его начале, едва ли представляет собою предположение произвольное. Надо припомнить, что в начале Лаврентьевского текста читается "Повесть временных лет", в своей основе представляющая редакцию Сильвестра, предпринятую по поручению Мономаха. Эту Сильвестровскую редакцию "Повести временных лет" вместе с сочинениями Владимира Мономаха естественно встретить в летописной традиции Переяславской (Южного Переяславля) епископии, куда епископом был назначен Сильвестр в 1119 г. Владимиром Мономахом и откуда, как мы знаем, летописатели Владимира Суздальского в XII и XIII вв. привлекли летописные тексты для пополнения своих материалов повествованием о делах юга или "Русской земли". Когда в переплетенной книге теперь отрываются первые или последние листы, то обычно, особенно когда заметят, что некоторые из отделившихся от книги листов уже утрачены, — желая оберечь от утраты еще остающиеся, их вкладывают в книгу, в случайное, так сказать, место. Так было и с рукописными, конечно, книгами в древности. Так случилось и с первыми оторвавшимися листами того ветхого "Летописца", который копировал Лаврентий. Какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметил, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены (вспомним, что теперь нет окончания "Поучения" и начала письма Мономаха к Олегу), желая оберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал данную ему книгу; он так и переписал текст, как лежали в книге листы»¹.

Несмотря на всю зрительную отчетливость и почти осязаемость восстановленной М. Д. Приселковым картины того, как попало «Поучение» Мономаха в середину статьи 1096 г., она все же вызывает серьезные возражения. Неясно, во-первых, почему в начале того «ветхого Летописца», с которого переписывал Лаврентий, оторвались ровно те листы, на которых находились сочинения Мономаха, при этом не захватив текста «Повести временных лет» или не отдав ей части своего текста? Во-вторых, неясно, как мог

¹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи. С. 186–188.

Лаврентий не заметить, что он имеет дело со случайно вложенными в рукопись листами? Ведь этих листов было немало, и первый из них, по словам самого же М. Д. Приселкова, выделялся своею истрепанностью.

В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом, что он внимательно отнесся к тексту своего оригинала, внося в него важные исправления, касавшиеся основателя его монастыря и его города (Нижнего Новгорода) Юрия Всеволодовича Владимирского¹. Предполагаю, что место, занимаемое сочинениями Мономаха в «Повести временных лет», не случайное. Пытаясь установить время, под которым должно быть помещено «Поучение», Лаврентий или его предшественник мог определить дату одного из сочинений Мономаха — его письма к Олегу, которое к тому же могло быть и датировано². Летописец и вставил поэтому сочинения Мономаха под 1096 г. Он сделал это тоже не в случайном месте, а там, где был сходный материал общих рассуждений. Он вставил сочинение Мономаха при переходе от одного рассуждения к другому, хотя и разорвав их между собой, но не повредив ни одного. Сочинения Мономаха могли находиться и в начале «ветхого Летописца», но скорее всего они представляли собою отдельную тетрадь. Попасть в приблизительно верное для своего нахождения место они, конечно, случайно не могли.

Также не случайным считает местонахождение «Поучения» под 1096 г. и Л. В. Черепнин. По мнению Л. В. Черепнина, «Поучение» было вставлено в третью редакцию «Повести временных лет» и тесно связано с задачами этой третьей редакции: рассмотреть под новым углом зрения после ликвидации усобицы, которую начал Ярослав Святополкович, взаимоотношения между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем. По своему содержанию и «Поучение», и письмо Мономаха к Олегу очень точно отвечали тем политическим задачам, которые стояли в 1118 г. перед составителем третьей редакции «Повести временных лет». Помещенное перед описанием Любечского съезда и событий княжеской борьбы того времени, «Поучение» позволяло Мономаху политически осветить весь этот узел событий³.

Я привел примеры различных объяснений вставки «Поучения» Владимира Мономаха, чтобы продемонстрировать то соревнование в конкретности и наглядности объяснений, в которое вступают исследователи, чтобы наиболее убедительно объяснить то или иное текстологическое явление. К объяснению привлекается все, начиная от пятна, образовавшегося на рукописи в результате надавливания на нее большим пальцем левой руки, и кончая вопросами

¹ История русской литературы, т. II. ч. I. М.; Л., 1945. С. 90–96. См. также: Г. М. Прохоров. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974. С. 77–98.

² О том, что письмо Мономаха к Олегу написано в 1096 г., см.: И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение, ч. I. М., 1901.

³ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет». — Исторические записки, № 25. М., 1948. С. 319–321.

большой политики своего времени. Наибольшая конкретность объяснения, его наглядность, представимость — вот к чему постоянно и неизменно стремится текстолог. Приведенные примеры еще раз убеждают в том, что текстология изучает прежде всего людей, которые имели отношение к тексту; через текст текстолог стремится увидеть книжников, его писавших, их воззрения, их обыкновения, их жизнь, отразившуюся в рукописях. Лучший текстолог тот, который умеет наиболее ясно воспроизвести в своем воображении эту минувшую жизнь по самым, казалось бы, ничтожным данным, связать все изменения в тексте с этой жизнью.

Наконец, остановимся на еще одном виде вставок, особенно часто встречающихся в древних текстах, — глоссах и интерполяциях. Глоссами называются небольшие вставки, вводимые в текст переписчиками и редакторами с целью разъяснения какого-либо места текста, поновления его смысла, раскрытия содержания. Графически с текстом глоссы не сливаются (см. выше, с. 90–92). Глоссы вызываются часто домыслами книжников, их желанием сделать текст более полным или просто стремлением выказать свою ученость. Иногда глоссы пишутся сперва на полях рукописи и только при последующей переписке вносятся в текст писцами. В последнем случае глосса становится интерполяцией. Так, в тексте Хронографа редакции 1617 г. читается более 90 глосс, некоторые из них довольно пространные. В старших списках глоссы, как правило, читаются на полях, в других же — вносятся в текст, но выделяются кинovarью. Однако встречаются списки, где внесенные в текст глоссы (интерполяции) никак не обозначены и совершенно сливаются с остальным текстом. В конце прошлого века епископ Амфилохий принял эти традиционные глоссы за «примечания», сделанные Дмитрием Ростовским, и на этом основании издал принадлежавший тому список хронографа¹. Иногда глосса и интерполяция возникают как реакция переписчика на порчу текста: переписчик разъясняет место, оказавшееся непонятным из-за пропуска или ошибки его предшественника.

В первом издании «Слова о полку Игореве» и в копии с рукописи «Слова», сделанной для Екатерины II, имеется, например, глосса, сделанная первыми издателями и исследователями «Слова»; она отмечена скобками: «Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку»².

¹ Летописец, списанный св. Дмитрием в Украине с готового 2-й редакции до 1617 г. с его примечаниями по полям... Издание Амфилохия епископа Угличского. М., 1892. См.: О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. М.; Л., 1970. С. 163.

² Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 258.

Глоссы и интерполяции писца часто дают основание для датировки списка или одного из его протографов. Так, в Виленском хронографе (рукопись № 109 (147) собрания Библиотеки Академии наук Литовской ССР в г. Вильнюсе) на л. 631 после рассказа о том, как в Иерусалиме вместо низвергнутого зилотами главы иудейской иерархии был поставлен первосвященник из простых жителей села, западнорусский переписчик добавляет от себя: «Как то и в нас ставять митрополита по своей воли, а не по правилам святых отьць, вчера с псы по полю за заецом, а ныне святительская съвершаеть, а не тако, как святой Василие говорить: дондеже все степени священническая проидеть, тогда святитьль бываеть». Исследователь этой рукописи Н. А. Мещерский пишет по поводу этой вставки: «...в ней без сомнения содержится намек на какие-то злободневные события, живо волновавшие как самого переписчика рукописи, так и его западнорусских современников. Очень возможно, что приписка имеет в виду поставление в западнорусские киевские митрополиты Сильвестра Белькевича (Велькевича), который в 1556 г., не проходя низших степеней, был возведен прямо в сан митрополита из мирян. До этого он был виленским подскарбием. В 1555 г. он подписывал официальные грамоты как «Степан Петрович, нареченный в митрополиты», а в следующем году уже как «митрополит киевский и галицкий Сильвестр»¹. Если так, то дату переписки Виленского хронографа можно уточнить до одного года и именно отнести к 1556 г., вообще же безусловно к эпохе не позднее 50-х годов XVI в.»².

Иногда пропуск в тексте обнаруживается потому, что на пропущенное место имеются ссылки в других частях текста. Так, например, в «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку имеется под 1089 г. следующее место: «В се лето иде Янька в Греки, дщи³ Всеволожа, реченая прежде», но нигде раньше в Лаврентьевской летописи о ней не говорится. Однако в Ипатьевской летописи есть и этот текст, и другой под 1086 г.: «Всеволод заложи церковь святого Андрея, при Иване преподобномъ митрополите; створи у церкви тоя монастырь, в нем же пострижесе дщи его девою, именею Янька. *Сиа же Янка*⁴, совокупивши черноризици многи, пребываше с

¹ См.: Макарий. История Русской Церкви, т. IX, ч. IV. С. 329.— В примеч. 339 автор приводит ссылку на Виленский археографический сборник, № 17, и Собрание грамот Минской губернии, № 16. (Примечание Н. А. Мещерского).

² Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 28.

³ Текст, выделенный курсивом, в Лаврентьевской летописи не читается: он взят из Радзивиловской летописи и Московско-академического списка.

⁴ Текст, выделенный курсивом, читается в Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи.

ними по монастырскому чину». Совершенно ясно, что не Ипатьевская летопись вставила этот текст, а Лаврентьевская его исключила. В протографе Лаврентьевской летописи он должен был читаться, поскольку на него имеется ссылка в самой Лаврентьевской летописи.

Установление копии

Всякий список произведения является либо простой копией с не дошедшего до нас оригинала, либо списком переработанным (сознательно или случайно). Если список представляет собой простую копию (копию, имеющую лишь случайные искажения) с дошедшего оригинала, текстологическое значение списка в какой-то мере утрачивается. При наличии оригинала текстолог может отбросить из рассмотрения его копию: для установления истории текста она ничего не даст. Мало что дает и копия с копии дошедшего оригинала. Во всех этих случаях исключение копии из рассмотрения или из привлечения ее для подведения различий должно быть подробно обосновано. Однако простая копия может иметь значение для определения распространенности произведения в то или иное время в той или иной местности. Кроме того, копия с дошедшего оригинала имеет значение тогда, когда уже после снятия копии в оригинале произошли различные утраты и порчи. Тот же смысл имеют, например, и снятые фотографии с рукописей. Иногда в копиях и фотографиях сохраняется тот текст, который в настоящее время уже невозможно прочесть. Так, например, Горюшкинский список Псковской летописи (ГПБ, Г. IV, № 602) представляет собой копию с Бальзеровского списка (ЛОИИ, № 23), снятую тогда, когда Бальзеровский список не был еще попорчен и сохранял часть текста, ныне утраченную¹. Бывают случаи, что повреждения наносятся рукописи в момент снятия копии. Так, например, когда Петр I проезжал через Кенигсберг, он ознакомился с хранившейся тогда в городской библиотеке знаменитой Кенигсбергской, или Радзивиловской, летописью и заказал сделать с нею копию. Копия эта, стоившая, как известно, немало денег, сделана была весьма грубо. В частности, миниатюры копировались в ней путем сколков, т. е. контуры рисунка прокалывались на лист копии иглами. В результате один из рисунков Кенигсбергской летописи был настолько поврежден, что часть его вывалилась и была утрачена (в сцене «примучивания», притеснения дулебских женщин обрами). Эту утраченную часть миниатюры в настоящее время мы знаем по ее копии. Копия помогает представить себе утраченную часть оригинала.

Значение копий для определения состояния оригинала в момент снятия копии может быть показано и на другом примере. В 1740 г. В. Н. Татищев прислал в Академию наук «для напечатания» рукопись «древних законов» —

¹ Об этом см., например: ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853. С. 27; Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941. С. LX.